

Несколько замечаний к запискам Афанасия Никитина «Хождение за три моря» (XV в.)

Александр Львович Лифшиц / Alexander L. Lifshits

Независимый исследователь, Москва, Россия
Independent researcher, Moscow, Russia
Email: allifshits@gmail.com
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8854-0479>

Аннотация. Статья посвящена нескольким спорным местам в записках Афанасия Никитина «Хождение за три моря» (XV в.), предлагая вновь вернуться к их обсуждению. В частности, объясняется, почему Афанасий Никитин не использует топоним *Египет*, делаются попытки интерпретировать сомнительный топоним *Мяр/Мяра*, который обычно отождествляется с Баку, а также предлагается локализация страны *Шабат* и *Шабатского пристанища Индийского моря* на карте полуострова Индостан. На основании анализа текста делается предположение о том, какие книги могли быть украдены у путешественника и на чем основаны сетования Афанасия об их утрате. Утверждается, что Афанасий Никитин за время странствий отчасти утратил чувство языка и стал «несбалансированным билингом»; обосновывается позднее – практически по завершении путешествия – создание сохранившейся версии записок.

Ключевые слова: древнерусская литература, Афанасий Никитин, «Хождение за три моря», комментарии, топонимия, реалии, хронология

A Few Remarks to the Afanasy Nikitin’s “Journey Beyond Three Seas” (15th Century)

Summary. The paper is devoted to several nonobvious places in the Afanasy Nikitin’s travel notes “Journey Beyond Three Seas” and proposes to revisit their discussion. The first part of the paper deals with toponyms. Thus, it is explained why Afanasy prefers the Arabic toponym *Misyur* to *Egypt*. In the next section attempts are made to interpret the doubtful toponym *Myar/Myara*, which is usually identified with Baku without sufficient justification, although among other toponyms it would be more appropriate to see in this name a distorted *Myakka – Mecca*. Then a new localization of the country of *Shabat* and the *Shabait shelter of the Indian Sea* on the map of the Indian peninsula is proposed, which connects geographical realities with the ethno-political context of the Bengal Sultanate. Further in the article, based on an analysis of the text, an assumption is made about which books might have been lost by Afanasy, on what the traveler’s lamentations about their absence are based, and why they could not have helped Afanasy to celebrate Christian holidays on time. It is proved that Afanasy can be considered as an “unbalanced bilingual,” since the text of the notes reflects the process of his loss of a sense of language. It is justified that the preserved version of the notes was created later, almost at the end of the journey.

Keywords: Old Russian literature, Afanasy Nikitin, “Journey Beyond Three Seas” comments, toponymy, realia, chronology

Received: 02.03.2024. Accepted: 20.03.2024

Copyright © 2024 Александр Львович Лифшиц / Alexander L. Lifshits. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

Keletas pastabų dėl Afanasijaus Nikitino „Kelionė per tris jūras“ (XV a.)

Santrauka. Straipsnis skiriamas aptarti kelias prieštaringas vietas Afanasijaus Nikitino užrašuose „Kelionė per tris jūras“ (XV a.). Bandoma paaiškinti, kodėl Afanasijus Nikitinas nevartoja toponimo *Egiptas*; interpretuojamas neaiškus toponimas *Myar/Myara*, kuris dažniausiai tapatinamas su Baku, taip pat siūloma *Šabato* šalies ir *Indijos jūros Šabaito prieglobsčio* lokalizacija Indijos pusiasalio žemėlapyje. Remiantis teksto analize, bandoma nustatyti, kokios knygos galėjo būti pavogtos iš keliautojo ir kuo grindžiamas Afanasijaus sielvartas dėl jų praradimo. Teigiama, kad kelionių metu Afanasijus Nikitinas iš dalies prarado kalbos jausmą ir tapo „nesubalansuotu dvikalbiu“. Straipsnyje pagrindžiama prielaida, kad Nikitino užrašai buvo sukurti vėliau, beveik pasibaigus kelionei.

Reikšminiai žodžiai: Afanasijus Nikitinas, „Kelionė už trijų jūrų“, senoji rusų literatūra, komentarai, toponimika, realija, chronologija

---

Записки путешественника Афанасия традиционно привлекают к себе интерес с того времени, как были обнаружены Н. М. Карамзиным в библиотеке Троице-Сергиевой лавры¹. Однако очевидно, что многие вопросы, которые этот текст ставит перед исследователями, до настоящего времени довольно далеки от разрешения. И хотя в массовой культуре каноническим стал образ героического тверского купца-путешественника, который запечатлен в кинофильме и памятниках, названиях улиц и на этикетках пивных бутылок, все – от фигуры самого повествователя и цели его путешествия до прагматики письменного текста – время от времени подвергается ревизии². В предлагаемой статье я хотел бы уделить внимание нескольким моментам, которые кажутся мне заслуживающими чуть более пространственных комментариев, чем те, которых они удостоивались до сих пор.

I. О жарких странах

1. Из всего многообразия физической географии стран, через которые пролегли пути Афанасия или о которых он имел достоверную информацию, в записках путешественника не находят себе места рассказы о рельефе пути, о горных цепях или отдельных вершинах, о пустынях, которые пришлось пересечь. Не удостоились комментария Афанасия ни реки, ни удобство гаваней западного побережья Индии, ни морской берег Африканского Рога, ни ветра, которые так далеко отнесли судно на обратном пути. Разве что морские приливы в Ормузе вскользь отмечены повествователем. И лишь один параметр – климатический – оказался настолько для него важен, что отдельно были выписаны сведения о зное

---

¹ Он же и назвал сочинение Афанасия записками [Карамзин 1817, 344–346, 458–461].

² Из последних работ упомяну статьи: [Бобров 2017; Бобров 2022; Введенский 2023] и обстоятельный труд [Kempgen 2020].

или духоте стран и городов – фактор, конечно, существенно влиявший на пребывание в них торговых людей.

В Львовской летописи этот список выглядит так:

Силен вар в Гурмызе, да в Кятобагряим, где ся жемчюг родит, да в Жиде, да в Мьяре, да в Оръобъстани, да в Ларе. А в Хоросанской земле варно, да не таково. А в Чеготани велми варно. В Ширязи, да въ Езди, да в Кашины варно, да ветр бывает. А в Гиляи душно велми да парище лихо, да в Шамахее вар лих; да в Вавилоне варно, а в Люпе не так варно» [Л. 453 об.]³.

Как видим, названия городов иногда сильно отличаются от привычных нам или даже искажены, и требуются некоторые усилия, чтобы опознать, например, в *Кятобагряим* подвластные Ормузу Бахрейнские острова, а в *Люпе* – Халеп, или Алеппо.

Другие списки предлагают читателю несколько иной список топонимов. Так, в Троицком, помимо того, что некоторые топонимы приобрели иной орфографический облик, появляются новые города:

Силно вар в Гурмызе, да в Катобагряим, где ся жемчюг родить, да в Жиде, да в Баке, да в Мисюре, да въ Остани, да в Ларе. А в Хоросаньской земли варно, да не таково. А в Чеготани велми варно. А в Ширязе, да въ Езди, в Кашины варно да ветрь бывает. А в Гиляни душно велми да паришо лихо, да в Шамахеи пар лихъ. Да в Вавилони варно, да Хумите, да в Шаме варно, а в Ляпе не такъ варно [Лурье, Семенов 1986, 27].

По сравнению с Львовской летописью, Троицкий и восходящие к нему списки дополнены сирийскими Хомсом и Дамаском⁴. Независимо от того, объясняется ли различие списков вставкой или, напротив, устранением из списка сирийских городов, порядок, в котором эти города названы, свидетельствуют, пожалуй, о том, что писавший не посещал Сирии. Дело в том, что путь из Багдада (Вавилона) ведет сначала в Дамаск, затем в Хомс и лишь потом в Алеппо.

Еще одно отличие касается топонима *Мисюръ*, который есть в списках Троицкой редакции и отсутствует в летописной. Это имя собственное единодушно понимается как производное от арабского названия Египта.

Впрочем, сам топоним известен в русских текстах не позднее начала 1460-х гг. В 1461–1462 гг. Египет посещает иеромонах Варсонофий, ко-

³ Здесь и далее текст передается с существенным упрощением его графико-орфографических особенностей. В случае отсылки к Львовской летописи в квадратных скобках указывается ее лист, что позволяет воспользоваться любым изданием текста с указанием листов рукописного источника, например: [ПСРЛ] или [Лурье, Семенов 1986].

⁴ Комментаторы объясняют *Шам* как производное от *Димашк-аш-Шам* [Лурье, Семенов 1986, 170].

торый оставляет об этом записки, сохранившиеся в единственной рукописи из собрания Н. С. Тихонравова [Сборник]. Варсонофий использует топоним *Мисюрь* как название части Каира, а сам Каир как раз называет Египтом: ...*идох по реци по Нилу вверх ко Егунту...* (л. 72 об.); ...*другое место святое в самом граде Егунте близ самого Миисюря...* (л. 74); ...*за рекою за Нилом противу старово Мисюря* (л. 74 об.) [Варсонофий 1984, 162, 163]. При том, что топоним *Егунет* используется Варсонофием многократно, нет ни одного случая, о котором можно было бы утверждать, что речь идет о стране, а не о городе.

Напротив, контексты Афанасия, как кажется, не позволяют сомневаться, что топоним *Мисюрь* используется им, когда речь идет о стране: ...*и привозять кони из Мисюря, из Рабаста, из Хоросани, ис Туркустаны, из Негостани* [Лурье, Семенов 1986, 25]. Топоним *Егунет* в записках Афанасия вообще не встречается.

Казалось бы, для Афанасия, который, несомненно, был знаком с арабским языком, вполне естественно использование именно арабского обозначения жаркой страны. Но замечу, что в другом случае Афанасий предпочитает не арабское, а более привычное для русского человека наименование города: например, Багдад он, как это было принято на Руси, называет *Вавилоном*. Похоже, топоним *Егунет* воспринимался русским путешественником только как название города, а потому не мог быть применен по отношению к стране.

2. Интерес, на мой взгляд, представляет и разночтение в начале списка жарких городов и стран: после Джидды сохранившиеся списки Троицкого извода [Лурье, Семенов 1986, 123] предлагают считать *очень жарким* местом Баку. Однако, сколь бы жаркой ни казалась нам столица Азербайджана, едва ли она может соперничать в этом отношении с Аравией или Египтом. Город будто попал сюда по ошибке.

У нас нет никаких оснований полагать, что Афанасий посещал Джидду и Аравийский полуостров (за исключением его восточного побережья). Зато через Баку Афанасий точно проходил и, разумеется, в сознании путешественника город должен был располагаться рядом с включенной в этот перечень *Шемахой*. К тому же у Афанасия была возможность сопоставить климат этого города с климатом, например, персидских городов и удостовериться, что мест жарче Баку на пути путешественника встречалось довольно много. И даже если по какой-то причине Баку показался автору записок жарким, то и тогда, вероятно, уместна была бы оговорка, что в нем *бывает ветер* [Швер, Мадат-Заде 1988, 17–19]. Нельзя не сказать, что место Баку в этом списке между Джиддой и Ара-

вией тоже не кажется вполне ожидаемым и очевидным образом нарушает географическую последовательность повествования.

В соответствии с *Баку* Троицкого списка в Львовской летописи читается топоним *Мяр* или *Мяра* [Л. 453 об.].

Публикаторы текста не посчитали нужным объяснить, как могло возникнуть подобное разночтение. При этом представить себе, что переписчик заменил по какой-то причине неизвестное ему название *Баку* на *Мяр*, референция которого весьма сомнительна, решительно невозможно – не заменяет же ни один из переписчиков персидские или тюркские слова. А значит, можно думать, что в данном случае мы также имеем дело с правкой, сделанной в другом направлении – переписчиком протографа Троицкого извода. В этом случае оказывается несомненным, что в каком-то (или в какой-то) *Мяре* было настолько жарко, что название оказалось включено Афанасием Никитиным в перечень тяжелых для обитания мест.

Соблазнительно было бы увидеть в написании Львовской летописи искаженный *Мисюрь*, однако пришлось бы предполагать и пропуск слога, и изменение конечного мягкого согласного основы на твердый, и замену гласного. Кстати, несомненный пропуск слога в названии Аравии (*в Орьюбьстани – в Остани*) находим как раз в списках Троицкого извода.

Рискну предложить другое объяснение.

Вероятно, в рукописи, которую держал в руках переписчик протографа Троицкой группы списков, уверенно читался конечный слог *-кть*, а начало слова было написано не слишком аккуратно. Соответственно, переписчик должен был искать и найти подходящий топоним, который заканчивался бы на этот слог в местном падеже, и написал *Бакть*, избрав знакомый ему топоним.

Переписчику Львовской летописи не повезло как раз со вторым слогом, который, похоже, был не слишком аккуратно написан в его антиграфе и который он прочел как *-рть*. Будучи готов увидеть в тексте Афанасия любой экзотический топоним, он написал *Мярть*.

Полагаю, исходно Афанасий Никитин писал о жаркой Мекке, которая как *Мякка* встречается в его тексте [Л. 448 об., 454].

Судя по тому, что в Эттеровом и Архивском списках вместо *Мякка* читается *Кока* [Лурье, Семенов 1986, 110], с написанием этого топонима у Афанасия могли быть связаны какие-то графические затруднения.

Во всяком случае, последовательность из Джидды, Мекки, Египта и Аравии лучше с точки зрения и климата, и географии.

II. Государство Шабат

Шабатское пристанище Индейского моря [Л. 450 об.] до настоящего времени не нашло своего места на географической карте Индии и ее окрестностей. «Несмотря на сообщаемые русским путешественником факты, страна Шабот, Шабат, Шабатит остается загадочною, и комментаторы Аф. Никитина толковали Шабат различно», – пишет один из исследователей [Минаев 1881, 150]. И. И. Срезневский осторожно предполагает, что речь может идти об острове Shabazpur в устье Ганга [Срезневский 1857, 76]; гадательны и прочие предположения. Обзор различных мнений по этому поводу представлен в работах [Verdiani 1962; Verdiani 1963, XLII и след.]. Позднейшие комментаторы приходят к мнению, что «...расстояния, указанные Никитиным, и его сообщения о естественных произведениях этой страны говорят о том, что ее местоположение следует искать на восточном побережье Индии»⁵. И далее уточняют: «...на индийском побережье Бенгальского залива, возможно, охватывая территорию различных областей» [Семенов 1986, 163]. Относительно недавно была сделана интересная попытка увидеть в топониме Афанасия существовавшее название *Сопатма* – современный Майлапур [Kempgen 2008], но он расположен слишком близко к Шри-Ланке и слишком далеко от мест обитания мускусных оленей.

Однако, помимо сандала, шелка и жемчуга, а также мускусных оленей, в которых следует видеть черную кабаргу, о расположении страны, как кажется, можно судить и по тому фрагменту, который обычно с трудом поддается интерпретации. Афанасий Никитин пишет: *А сыто жидове зовут Шабат своими жидовы, а то лжут; а шаибатене не жидова, ни бессермена, ни кристьяне, иная вера индийскаа, ни с худы, ни з бессермены ни пьют, ни ядят, а мяса никакова не ядят* [Л. 451 об.].

И хотя гебраист И. Ю. Маркон полагал, что речь у Афанасия идет о вымышленной стране за рекой Самбатион, где, согласно легендам, обитают десять потерянных колен Израилевых, проблему он сформулировал лучше многих: «...приходится искать такую страну, жители которой, не будучи евреями, считаются евреями других стран за евреев» [Маркон 1922, 312]. Добавлю, что и вполне невыдуманная страна, если кто-то считал ее жителей иудеями, могла бы получить такое имя, так сказать, по смежности.

Реку Самбатион охотно искали и в Индии, помещая ее на край освоенной вселенной, не очень заботясь о географическом правдоподобии. И. Ю. Маркон в приводимом им подробном обзоре разнообразных пись-

---

⁵ 10 месяцев пешего пути [Л. 451 об.] – конечно, следствие ошибки переписчика принявшего Г (=3) за I (=10).

менных свидетельств замечает, «что древние и средневековые (и даже в новые века) как еврейские, так и не еврейские писатели очень часто смешивают Индию с Абиссинией» [Маркон 1922, 321]. При этом, как пишет исследователь, царство пресвитера Иоанна, наоборот, могут помещать в Абиссинию, и приводит название сочинения автора XVII в. Хиоба Лудольфа⁶ [Там же, прим. 3].

Замечательно, что современник Афанасия Никитина, итальянский еврей Авраам Фариссоль, или Перицоль (1451–1525/1526), который, очевидно, пользовался источниками, а не полагался на собственный опыт путешественника, в своем географическом сочинении сообщает о поселениях евреев, «живущих по берегам реки Ганга», а также о том, что река Самбатсион «находится в этой Верхней Индии между реками Ганга» [Маркон 1922, 322]. На современной карте это индийский штат Западная Бенгалия и бывшая Восточная Бенгалия – Бангладеш.

Как видим, Фариссоль расселяет евреев довольно близко к тем местам, в которые помещает страну *Шабат* Л. С. Семенов (см. выше), к тому же все названные Афанасием Никитиным природные богатства в Бенгалии также встречаются. Кстати, в ней, как сообщает Словарь Брокгауза и Ефрона, водятся «...хищные звери: тигры, барсы, медведи, волки, рыси и лисицы, равно как разных пород дикие собаки⁷. Обезьянами кишат все бенгальские леса» [Брокгауз 3, 419].

В XIV–XVI вв. здесь существовал Бенгальский султанат, в котором одна династия неоднократно сменяла другую. К власти приходили то индуисты, то мусульмане, при этом основное население страны составляли приверженцы индуизма. При мусульманской династии Ильяс-шаха, вернувшейся к власти в 1437 г., стало возрастать политическое влияние абиссинской дворцовой гвардии, и в 1487 г. в результате дворцового переворота к власти на восемь лет пришла абиссинская, или хабешитская династия правителей [Босворт 1971, 251, 253]. То есть до некоторой степени смешение Индии и Абиссинии в Бенгальском султанате состоялось на самом деле.

Учитывая же тот факт, что абиссинцы считали себя потомками царя Соломона и царицы Савской⁸, поиск потерянных колен Израилевы там, где проживали абиссинцы, выглядит вполне объяснимым. Не берусь ут-

⁶ Ludolf H. *Iobi Ludolfi alias Leut-holf dicti Historia Aethiopica, Sive Brevis & succincta descriptio Regni Habessinorum, Quod vulgo male Presbyteri Johannis vocatur*. Frankfurt am Main: Zunner, 1681.

⁷ Не берусь сказать, кого из перечисленных хищников Афанасий называл мамонами, делавшими опасными ночные путешествия.

⁸ С 1270 г. до XVIII в. и несколько раз впоследствии в Эфиопии у власти находилась Соломонова династия, возводившая себя к потомкам библейского царя.

верждать, но, возможно, название *Шабат* связано не только с мифической рекой *Самбатсион*, но и с *Сабейским царством* библейской царицы?

Впрочем, «чужие» топонимы Афанасий использует не один раз. Именно поэтому не удается локализовать, например, *Дег*, в который он приплывает из *Маската*; неудовлетворительными остаются отождествления топонима *Чапакур/Чебокар* в Мазендаранской земле, где Афанасий провел полгода⁹, и т.д.

И, конечно же, Афанасий Никитин имел все основания утверждать, что сведения о преобладающем еврейском населении в Бенгалии – несомненное заблуждение его информаторов, транслировавших распространенную легенду.

III. Украденные книги¹⁰

В записках Афанасий дважды почти одними и теми же словами сетует на то, что без книг, которые были украдены у него еще под Астраханью, он не может определить, когда следует праздновать христианские праздники:

...А со мною нет ничего, никоея книги; а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, уни и ихъ взяли, а яз забыл веры крестьяньские все, праздники крестьяньские, ни Велика дни, ни Рожества Христова не знаю...»; «...аз же грешный не ведаю, что есть Велик день или говейно, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не ведаю, ни среды, ни пятницы не ведаю – а книг у меня нету. Коли мя пограбили, уни книги взяли у меня [Л. 449 об., 452].

Следующие затем описания того, как Афанасий пытается все же отмечать христианские праздники, породили ряд интерпретаций его религиозности, см., например: [Lenhoff 1979; Успенский 1996; Алексеев 2009; Гардзанити 2010]. Но жалобы уроженца Твери на печальное стечение обстоятельств, пожалуй, нуждаются в дополнительных комментариях.

Книги в Средние века, да и позднее, разумеется, представляли собой ценность не только духовную, но и вполне материальную, так что грабители не случайно, помимо прочей «рухляди» – движимого имущества Афанасия, унесли книги. Правда, едва ли стоит предполагать, что русский путешественник вез с собой библиотеку. Как известно, форма множественного числа существительного *книга* постоянно используется в значении ‘письмена’, ‘письменный текст’, а потому вполне вероятно, что книга у Афанасия могла быть и одна. Во всяком случае не обремене-

⁹ Обзор мнений и новую попытку определить, где находится Чапакур, см. в работах [Kempgen 2010; Kempgen 2020, 224–226].

¹⁰ Благодарю Ирину Александровну Мелихову (ГИМ), задавшую мне вопрос о том, какие именно книги украли у Афанасия.

ненный религиозным рвением мирянин вполне мог обойтись Часословцем с Псалтирью для удовлетворения своих потребностей в привычном молитвословии.

Поскольку Афанасий напрямую связывает невозможность определить время празднования Пасхи с утратой книг, то украденные у него книги (или книга) должны были содержать пасхалию, которая едва ли была отдельной рукописью и могла быть включена, например, в состав Следованной Псалтири¹¹. Именно эту книгу, содержащую многие необходимые христианину тексты, с большой долей вероятности, должны были украсть у Афанасия. А поскольку записки не сообщают о том, что Афанасия грабили неоднократно, то, по всей видимости, речь идет о грабеже на Каспии.

Однако далее в тексте «Хожения» мы читаем, что Афанасий Никитин *есми взял первый Велик день* в Ормузе, придя туда за четыре недели до Пасхи [Л. 443 об.]. Еще дальше выясняется, что Пасха в Ормузе была не первой за время его странствий и что до того Афанасий встречал Пасху *в Чебокару в Маздраньской земле* [Л. 452], что, разумеется, тоже произошло после ограбления, случившегося на другой стороне моря – под Астраханью.

Лишенные каких-либо подробностей упоминания встречи Пасхи на севере Персии и год спустя у Ормузского пролива заставляют думать, что оба праздника, проведенные на чужбине, ничем не отличались для Афанасия от предыдущих – как если бы он был на пасхальной службе среди единоверцев. То есть до тех пор утрата книг не была критичной.

Вероятно, в Индии все стало совсем иначе.

Вообще-то, даже наличие пасхалии не может гарантировать того, что Пасху удастся встретить вовремя, если отсутствует календарь. Точно так же ни одна книга не могла бы помочь вовремя начать Филипповский (Рождественский) пост, отметить Рождество или иные непереходящие праздники – тут бессмысленно обвинять грабителей. Для определения дня, когда наступает праздник, нужен календарь, в какой бы форме он ни был представлен – хотя бы виде подобия судового журнала, как у Робинзона Крузо.

О том, насколько это могло быть сложно, если остаешься один, свидетельствуют записки Георга Тектандера, участника посольства императора Рудольфа II к персидскому шаху Аббасу I, который, потеряв всех спутников, «как-то раз сбился в числах и жил целые полгода <...> из дня в день, не отличая одного дня от другого» [Тектандер 1896, 34].

¹¹ Например, «Изложение Пасхалии» на 1485–1492 гг. включено в состав рукописи последней четверти XV в. из собрания Троице-Сергиевой Лавры [Следованная Псалтирь, 601–602].

Но еще более странной выглядит жалоба на невозможность узнать постные дни – среды и пятницы. В мусульманском мире (а Бахманийский султанат, на территории которого большую часть времени находится Афанасий, – мусульманское государство) пятницу затруднительно было бы перепутать с другими днями недели. Тот же Тектандер, несомненно, отличал пятницы от прочих дней, сообщая, что пятница у мусульман «считается воскресеньем» [Тектандер 1896, 35].

Иными словами, дважды повторенные lamentации Афанасия больше похожи на настойчивую попытку оправдаться в недостойном православного христианина поведении.

IV. Темный лес

Нет сомнений в том, что Афанасий Никитин рассчитывал, что его текст будут читать. Ведь только в этом случае имеют смысл его итинерарии или географические очерки. Очевидно, на удовлетворение спроса читателя на чудесные истории нацелены и рассказы Афанасия об удивительных животных. И если еще можно представить, что на улицах Бидара путешественник видел двухсаженных змей, то огнедышащую птицу *гу-гук* Афанасий, вероятно, лично не встречал, как едва ли мог где-нибудь наблюдать слонов, несущих по двенадцать вооруженных людей – такое возможно, кажется, только в кинотрилогии Питера Джексона по эпосе Д. Р. Р. Толкиена.

Описывая столицу государства Виджаянагар, Афанасий пишет: *Съ одну сторону его женьгъль злыи, а съ другую сторону пришедь доль*. И. И. Срезневский приводит описание города, данное Абд ар-Раззаком Самарканди, из которого со всей очевидностью следует, что речь идет о джунглях; то же повторяет он и в своем словаре [Срезневский 1857, 56; Срезневский 1893, 859]. Позднейшее лексикографическое издание не предлагает других контекстов или толкований [СРЯ, 90]. М. Фасмер специально указывает, что в такой форме лексема засвидетельствована только у Афанасия Никитина, а современное *джунгли* представляет собой очень позднее заимствование [Фасмер 1986. 1, 511]. Таким образом, мы имеем дело с гапаксом.

Если это так, то у нас нет, как кажется, никаких оснований считать, что книжники XV–XVII вв. должны были знать это слово или понять его в отсутствии глосс. Я бы предположил, что в случае, если книжник каким-то образом догадался, о чем идет речь, он бы сам снабдил текст Афанасия комментарием, и этот комментарий стал бы неотъемлемой частью следующих копий.

Так же кажется вполне вероятным, что Афанасий Никитин должен был бы разъяснить лексему¹², если бы предполагал, что она может вызвать затруднения у читателя, а значит, или не предполагал, что его текст будут читать (с чем трудно согласиться), или утратил ощущение освоенности слова в языке, как это бывает у эмигрантов, «херитажников» или иных «несбалансированных билингов», которые, «будучи вырванными из родной языковой среды, постепенно “забывают” свой первый язык» [Марушкина, Рахилина 2015, 623].

Это, на мой взгляд, вопреки, например, остроумной и имеющем множество сторонников концепции Б. А. Успенского [Успенский 1996], свидетельствует о существенном интервале между знакомством Афанасия с экзотической природой Индии и временем, когда он решил письменно зафиксировать свои впечатления.

V. Записки шпиона

Невозможно сказать однозначно, каков жанр и какова прагматика текста Афанасия Никитина. «Ведшиеся как дневник записки Никитина в Индии не были рассчитаны на конкретных читателей», – пишет Я. С. Лурье [Лурье 1986, 74]. А. Г. Бобров, напротив, определяет сочинение русского путешественника как «написанный талантливо и неформально посольский отчет» [Бобров 2022, 132], предполагая, очевидно, что Афанасий точно знал, кому адресованы написанные им строки.

На то, когда было написано сочинение, также существуют подчас противоположные взгляды. Действительно, размышления Афанасия Никитина о том, куда направить свой путь [Л. 454], выглядят, как дневниковая фиксация актуальных мыслей растерянного человека. К тому же едва ли по прошествии полугода можно точно вспомнить, сколько дней ты шел от одного города до другого и сколько дней пребывал в каждом из них, если ты не вел путевые записи. Но в некоторых случаях мы видим аберрацию памяти повествователя, как, например, когда он, описывая Джуннар, приводит описание стоящей на скале крепости, которую, по предположению М. К. Кудрявцева, он мог видеть в Даулатабаде [Кудрявцев 1982, 141]. Упоминание же Валахии и Подольской земли могут свидетельствовать, что через них проходил последний этап пути Афанасия, а значит, можно предполагать, что записки и были составлены там и тогда [Кучкин 1969, 68].

В пользу мнения о написании многих частей постфактум, на мой взгляд, также свидетельствует отмечавшаяся путаница со счетом Пас-

¹² Так, Афанасий Никитин не с первого раза, но все же считает нужным объяснить слово ачеи/аччеи — ‘волы’ [Л. 445 об., 449].

хальных праздников, встреченных за пределами Руси, упоминавшаяся выше утрата живого ощущения языка и одновременно – отсутствие сколько-нибудь существенной разницы в языке записок вообще, что было бы, вероятно, неизбежным при последовательном ведении дневника в течение нескольких лет в иноязычной среде. При этом текст памятника не производит впечатление чего-то, объединенного общим замыслом. Отдельные части записок выглядят так, будто они оказались наскоро механически соединены друг с другом. Однако это вовсе не исключает использования каких-то существовавших записей.

Как кажется, есть еще один аргумент в пользу того, что если не создание, то существенная доработка записок была произведена именно в последний период странствий Афанасия.

Добравшись до Черного моря, он стал объектом внимания турецких властей: *А в Трапизоне ми же шубаш да наша много зла учиниша. Хлам мой весь к себе възнесли в город на гору, да обыскали все – что мелочь добренкая, уни выграбили все. А обыскивают грамот, что есми пришол из орды Асанбега.* [Л. 458].

Смысл сказанного очевиден: Афанасий приходит в Трапезунд, на территорию, контролируемую турками, из соседнего государства Ак-Коюнлу. Женатый на гречанке из Трапезунда правитель могущественного государства Узун-Хасан постоянно воевал с османами [Босворт 1971, 223–224]. Один из эпизодов этого противостояния Афанасий Никитин застал на последнем этапе пути, что и было отражено в его записках.

В самом путешественнике турецкие власти, вероятно, заподозрили лазутчика и пытались найти у него «возмутительные» письма Узун-Хасана. Исполнители при этом, разумеется, не преминули освободить поклажу Афанасия от всего ценного, и крайне сомнительно, что, обнаружив в его вещах рукопись, написанную непонятными для них письменами, они с извинениями возвратили бы ее владельцу.

Так что, если записки и существовали, то Афанасию пришлось восстанавливать их по памяти. А уж на борту ли судна, вынужденно стоящего у турецкого берега, или по прибытии в Кафу – бог весть.

Но, судя по отсутствию продуманной композиции текста, выдающему торопливость составителя, более вероятно, что записки писались Афанасием Никитиным незадолго до его смерти – на территории Велико-го княжества Литовского, через которое, похоже, проходила последняя часть странствий путешественника, который, как мы это видим из его сочинения, и ранее старательно избирал наиболее безопасные маршруты.

* * *

Высказанные соображения, которые автору представляются основательными, возможно, вызовут у других исследователей возражения, что, надеюсь, приведет к появлению новых объяснений темных мест сочинения Афанасия Никитина.

Список сокращений

ПСРЛ – *Полное собрание русских летописей*, 1910. Т. 20, половина 1: Львовская летопись. Санкт-Петербург: издание Археографической комиссии [PSRL – *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, 1910. Т. 20 (1): L'vovskaia letopis'. Sankt-Peterburg: izdanie Arkheograficheskoi kommissii].

СРЯ XI–XVII – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 1978. Вып. 5: Е–Зинутне. Москва: Наука [SRJa – *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* 1978. Вып. 5: Е–Zinutie. Moskva: Nauka].

Источники

ВАРСОНОФИЙ, 1984. Хожение Варсонофия в Египет, на Синай и в Палестину, 1984. In *Книга хоженей. Записки русских путешественников XI–XV вв.* Москва: Советская Россия, 162–168. [VARSONOFII, 1984. Khozhenie Varsonofia v Egipet, na Sinai i v Palestinu. In *Kniga khozhenii. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* Moskva: Sovetskaia Rossiia, 162–168].

ЛУРЬЕ, Я. С., СЕМЕНОВ, Л. С. (ред.), 1986. *Хожение за три моря Афанасия Никитина*. Ленинград: Наука. [LUR'Е, Ia. S., SEMENOV, L. S. (red.), 1986. *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina*. Leningrad: Nauka].

[СБОРНИК]. 84 л. Ркп. XVI в. РГБ. Ф. 299. № 700. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-700/#image-1> (06.02.2024). [[SBORNIK]. 84 f. Manuscript. RSL. F. 299. № 700].

[СЛЕДОВАННАЯ ПСАЛТИРЬ]. 637 л. Ркп. XV в. РГБ. Ф. 304/1. № 314 URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-314/> (06.02.2024). [[SLEDOVANNAIA PSALTIR']. 637 f. Manuscript. RSL. F. 304/1. № 314].

ТЕКТАНДЕР, Г., 1896. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию, 1602–1603 гг. Перевел с немецкого Алексей Станкевич In *Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Т. 2, 3–54. [TEKTANDER, G., 1896. Kakash i Tektander. Puteshestvie v Persiiu cherez Moskoviiu, 1602–1603 gg. Perevel s nemetskogo Aleksei Stankevich In *Chteniiia v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Т. 2, 3–54].

Литература

АЛЕКСЕЕВ, П. В., 2009. Мусульманский код «Хожения за три моря» Афанасия Никитина, *Мир науки, культуры, образования*, 3(15). 70–74.

БОБРОВ, А. Г., 2017. Что искал в Индии Афанасий Никитин, *Rossica Antiqua*, 2. 124–143.

БОБРОВ, А. Г., 2022. Спорные вопросы изучения «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, *Летняя школа по русской литературе*, 18(2). 127–156. DOI 10.26172/2587-8190-2022-18-2-127-156

БОСВОРТ, К. Э., 1971. *Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии*. Москва: Наука.

БРОКГАУЗ, Ф. А. (изд.), 1890–1907. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. В 86 т. Санкт-Петербург: Семеновская Типо-Литография (А. И. Ефрон).

ВВЕДЕНСКИЙ, А. М., 2023. Датировка путешествия Афанасия Никитина за три моря: новый взгляд, *Slovēne*, 12 (2). 72–82.

ГАРДЗАНИТИ, М., 2010. Открытие Востока: «грешное хождение» Афанасия Никитина. *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 61. Санкт-Петербург: Наука, 518–532.

КАРАМЗИН, Н. М., 1817. *История Государства Российскаго*. Т. 6. Санкт-Петербург: В Медицинской типографии.

КУДРЯВЦЕВ, М. К., 1982. Л. С. Семенов. Путешествие Афанасия Никитина, *Вопросы истории*, № 6. 140–142.

КУЧКИН, В. А., 1969. Судьба «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности, *Вопросы истории*, № 5. 67–77.

ЛУРЬЕ, Я. С., 1986. Русский «чужеземец» в Индии XV века. In ЛУРЬЕ, Я. С., СЕМЕНОВ, Л. С. (ред.). *Хождение за три моря Афанасия Никитина*. Ленинград: Наука, 61–87.

МАРКОН, И. Ю., 1922. Страна «Шабат» в Хождении за три моря Афанасия Никитина, *Труды Белорусского государственного университета в Минске*, № 2–3. 304–325.

МАРУШКИНА, А. С., РАХИЛИНА, Е. В., 2015. Корпусные исследования особенностей речи нестандартных говорящих («херитажный» русский). In КАЗАНСКИЙ, Н. Н. (ред.). *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 1: Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики. Санкт-Петербург: Наука, 621–638. <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnye-issledovaniya-osobennostey-rechi-nestandardnyh-govoryaschih-heritazhnyu-russkiy> (09.02.2024).

МИНАЕВ, И. П., 1881. *Старая Индия: Заметки на хождение за три моря Афанасия Никитина*. Санкт-Петербург: тип. В. С. Балашева.

СЕМЕНОВ, Л. С., 1986. Комментарии. In ЛУРЬЕ, Я. С., СЕМЕНОВ, Л. С. (ред.). *Хождение за три моря Афанасия Никитина*. Ленинград: Наука, 88–107.

СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. (сост.), 1893. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. 1. Санкт-Петербург: Тип. Императорской акад. наук.

СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И., 1857. *Хождение за три моря Афанасия Никитина. В 1466–1472 г.г.* Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук.

УСПЕНСКИЙ, Б. А., 1996. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина). In УСПЕНСКИЙ, Б. А. *Избранные труды*. 1. Москва: Гнозис, 254–297.

ФАСМЕР, М., 1986. *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т. Москва: Прогресс.

ШВЕР, Ц. А., МАДАТ-ЗАДЕ, В. М., 1988. *Климат Баку*. Ленинград: Гидрометеоздат.

КЕМПГЕН, S., 2008. Zu einigen indischen Städten bei Afanasij Nikitin: Die Hinreise

(Chaul – Pali – Umri – Junnar – Šabat – Dabhol). In BREHMER, B., FISCHER, K. B., KRUMBHOLZ, G. (Hrsg.). *Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen*. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag. Hamburg: Kovac, Dr. Verlag, 249–263.

KEMPGEN, S., 2010. ‘Čebokar’ und die persische Reiseroute Afanasij Nikitins, *Wiener Slawistischer Almanach*, 65. 23–51.

KEMPGEN, S., 2020. *Afanasij Nikitin: Reise über drei Meere (Xoženie za tri morja, 1468-1474)*. Band 1: Facsimiles – diplomatische Edition – Karten – Bibliographie. Bamberg: University of Bamberg Press (=Bamberger interdisziplinäre Mittelalterstudien, 14).

LENHOFF, G., 1979. Beyond Three Seas: Afanasij Nikitin’s Journey from Orthodoxy to Apostasy, *East European Quarterly*, 13(4). 431–447.

VERDIANI, C., 1962. “Dega”, “Aland”, “Šibait” nel “Viaggio al di là dei tre mari” di Afanasij Nikitin. In *Studi in onore die Ettore lo Gatto e Giovanni Maver. Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. [Firenze]: Sansoni, 673–685.

VERDIANI, C. (ed.), 1963. *Afanasij Nikitin. Il Viaggio al di là dei tre mari*. Firenze: Le Monnier.

Bibliography (Transliteration)

ALEKSEEV, P. V., 2009. Musul’anskii kod “Khozheniia za tri moria” Afanasiia Nikitina, *Mir nauki, kul’turny, obrazovaniia*, 3(15). 70–74.

BOBROV, A. G., 2017. Chto iskal v Indii Afanasii Nikitin, *Rossica Antiqua*, 2. 124–143.

BOBROV, A. G., 2022. Spornye voprosy izucheniia “Khozheniia za tri moria” Afanasiia Nikitina, *Letniia shkola po russkoi literature*, 18(2). 127–156. DOI: 10.26172/2587-8190-2022-18-2-127-156.

BOSVORT, K. E., 1971. *Musul’manskie dinastii: Spravochnik po khronologii i geneologii*. Moskva: Nauka.

BROKGAUZ, F. A. (izd.), 1890–1907. *Entsiklopedicheskii slovar’ Brokgauza i Efrona*. V 86 t. Sankt-Peterburg: Semenovskaia Tipografii (A. I. Efron).

FASMER, M., 1986. *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka: V 4 t.* Moskva: Progress.

GARDZANITI, M., 2010. Otkrytie Vostoka: “greshnoe khozhenie” Afanasiia Nikitina. In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 61. Sankt-Peterburg: Nauka, 518–532.

KARAMZIN, N. M., 1817. *Istoriia Gosudarstva Rossiiskago*. T. 6. Sankt-Peterburg: V Meditsinskoi tipografii.

KUCHKIN, V. A., 1969. Sud’ba “Khozheniia za tri moria” Afanasiia Nikitina v drevnerusskoi pis’mennosti, *Voprosy istorii*, № 5. 67–77.

KUDRIAVTSEV, M. K., 1982. L. S. Semenov. Puteshestvie Afanasiia Nikitina, *Voprosy istorii*, № 6. 140–142.

LUR’IE, Ia. S., 1986. Russkii “chuzhezemets” v Indii 15 veka. In LUR’IE, Ia. S., SEMENOV, L. S. (red.). *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina*. Leningrad, 61–87.

MARKON, I. Iu., 1922. Strana “Shabat” v Khozhenii za tri moria Afanasiia Nikitina, *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske*, № 2–3. 304–325.

MARUSHKINA, A. S., RAKHILINA, E. V., 2015. Korpusnye issledovaniia osobenno-
stei rechi nestandartnykh govoriashchikh (“kheritazhnyi” russkii). In KAZANSKII, N. N. (red.). *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvicheskikh issledovanii RAN*,

XI. 1. Kategorii imeni i glagola v sisteme funkcional'noi grammatiki, 621–638. <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnye-issledovaniya-osobennostey-rechi-nestandardnyh-govoryaschih-heritazhnyy-russkiy> (09.02.2024).

MINAEV, I. P., 1881. *Staraja Indii: Zametki na khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina*. Sanktpeterburg: tip. V. S. Balasheva.

SEMENOV, L. S., 1986. Kommentarii. In LUR'IE, IA. S., SEMENOV, L. S. (red.). *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina*. Leningrad: Nauka, 88–107.

SHVER, TS. A., MADAT-ZADE, V. M., 1986. *Klimat Baku*. Leningrad: Gidrometeoizdat.

SREZNEVSKII, I. I. (sost.), 1893. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam*. 1. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoi akad. nauk.

SREZNEVSKII, I. I., 1857. *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina. V 1466–1472 g.g.* Sankt-Peterburg: tip. Imp. Akad. nauk.

USPENSKII, B. A., 1996. Dualisticheskii kharakter russkoi srednevekovoi kul'tury (na materiale “Khozheniia za tri moria” Afanasiia Nikitina). In USPENSKII, B. A. *Izbrannye trudy*. 1. Moskva: Gnozis, 254–297.

VVEDENSKII, A. M., 2023. Datirovka puteshestviia Afanasiia Nikitina za tri moria: novyi vzgliad, *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 12(2). 72–82.